

Камера / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Камера / рассказ КАМЕРА

Светает. Небо светлеет, приобретает голубоватый оттенок. Окна дома напротив все как одно черны. Как будто там никто не живет и никогда не жил.

Мне осталось только записать то, что произошло. Я пишу от руки, надеюсь, мой читатель простит мне мою грамматику. Он сможет прочесть как все было. Времени остается все меньше. Я постараюсь успеть. В любом случае, возможно мне удастся сбежать.

Я родилась в Москве в то время, когда по ней ездили танки, и было, как говорят, и страшно и свободно. Как именно свободно, я не знаю. Из детской коляски никакого особого духа свободы я не ощущала.

Мое взросление пришлось на то время, когда почти в каждом доме появились компьютеры и игровые приставки. Но мне так и не купили ни то не другое и все время я проводила или во дворе или за книгами. Не могу сказать, что я очень переживала из-за этого. А теперь и благодарна судьбе, ведь может этим и объяснялся мой иммунитет и какая-то неподвластность происходящему.

Когда мне было лет двадцать пять-двадцать семь мир изменился. Нам всем так казалось, но многие делали вид, что все в порядке. Ты идешь в магазин и тебя снимают камеры, ты раздеваешься на приеме у врача и тебя снимают камеры. Ты заходишь домой и в руках у тебя смартфон и в нем камера. Ты заклеиваешь скотчем камеру ноутбука. И стесненно хихикаешь, отдирая ее, когда кто-то звонит тебе в Скайп. Кому же охота показаться параноиком? А после звонка аккуратно заклеиваешь ее обратно, ведь ты не знаешь, кто может находиться по другую сторону. Ты отключаешь геолокацию на телефоне. Ты просто не берешь с собой телефон, когда идешь гулять, так ведь спокойнее, но проходя возле первой же машины, ты видишь

видеорегистратор. И когда ты выходишь из подъезда тебя снимают камеры. Когда покупаешь хлеб, снимаешь деньги, едешь в метро. Я нанесла на свою одежду множество изображений с чужими лицами. Говорят, тогда программа распознавания лиц, начинает ошибаться и может тебя не заметить. Я старалась скрыться. А кто-то наоборот круглые сутки начал позировать на веб-камеры. Первые из них получали огромные по тем временам деньги, все остальные зарабатывали поменьше, но тоже ничего. Всего-то и нужно, просто не отключать камеру никогда. И выполнять простейшие задания, что сыплется на тебя из сети. Чем вам не работа? Да и какая разница, так тебе хоть деньги платят, в любом случае ты постоянно как на ладони.

Только один вопрос меня тогда волновал: На чьей? Кто тратил бесконечные часы на просмотр бесконечного видео? Где и как может храниться такое количество информации?

А потом появились они – художники, массово обучающие нейронные сети. И знаете что, я тоже втянулась. Они меня поражали, забавляли и я ничего в этом не понимала, хотя чувствовала себя богом, играя с непонятным и обучая это по образу и подобию своему. Мне было и весело и страшно. Но я быстро убедила себя в том, что любому прогрессу мешает излишняя этика. И что раз они не живы, и мы их создали, то имеем право делать с ними что хотим. Что же мы натворили?! А они поразительно быстро учились и уже контролировали социальные сети, мессенджеры, и наверное все на свете.

И пока мы играли в богов, в сети постоянно кого-то разоблачали. Сажали, не смотря на все протесты, на огромные сроки людей с сомнительными доказательствами, взятыми с наружных камер наблюдения. Количество обвиняемых постепенно увеличивалось. Первая массовая волна арестов прошла в начале двадцатых годов. Обвинения были самые разные: от терроризма, до педофилии. Но результат всегда был один и тот же: огромные, иногда даже пожизненные сроки в новых колониях строгого режима расположенных где-то на крайнем севере. СМИ активно освещали процессы, собирали миллионы подписей в защиту осужденных, искали виновных, обличали судей и чиновников. Но со временем на скамьях подсудимых начали появляется те самые чиновники и

судьи, которые так же были осуждены и отправлены в колонии. А судили их совсем иные люди. Никто не знал откуда взялась эта новая власть.

В двадцать втором году, протесты достигли апогея. Несколько журналистов потребовали пропуска в колонии, и они их получили. Мы затаили дыхание. Мы думали, что узнаем правду. Вся сеть пестрила снимками их торжествующих лиц. Вот они в машине едут по плохенькой дороге в сторону зоны, вот они останавливаются на ночь в деревенской гостинице, вот они уже у какой-то огромной стены. Но уже их следующий репортаж сильно отличался по тону от пред идущих, они стали блеклыми, бесцветными, а на фото нельзя было понять, что это за место и что за люди там сняты. Потом связь с ними пропала.

Ни меня ни моих близких не коснулась волна арестов. Иногда мне казалось, что у меня есть что-то, что отпугивает их и я молилась, чтобы это что-то не исчезло. А тем временем исчезали мои соседи. Те, что не исчезли, начали пить. Многие пили каждый день и каждый день скандалили, потом дрались, потом соседа посадили.

Иногда я видела новых жильцов, но мы так и не подружались.

Сначала этого всего соцсети взорвались постами: кто-то писал апокалиптические предупреждения, кто-то про умную пыль и масонов, восстание машин и демонов живущих в них. Кто-то пытался шутить, а многие просто не принимали происходящее – отказывались верить. Когда начались аресты, эти же люди писали, что это для всеобщего блага, для нашей же безопасности. Писали до того момента, пока не арестовывали их самих или их родственников.

А где-то год назад, мне начало казаться, что с миром что-то не так. Навязчивое преследующее тебя и днем и ночью чувство присутствия, чего-то нового, чужеродного без цвета и запаха. Это было везде. В мимике прохожих, в их разговорах, в их жестах. Что-то появилось в самом воздухе. Все, как мне казалось, подчинялось какой-то неуловимой логике.

Иногда я ловила себя на мысли, что меня не может быть здесь и сейчас в этом месте и самого места нет. Казалось, что само это место невозможно. Я пыталась найти изменения, я брала

старенький пленочный фотоаппарат и снимала от живота, замазав предварительно черным все блестящие части камеры, и пряча ее под одеждой. Вечерами, я просматривала фото. Но на них ничего не было. Точнее, ничего необычного. Ничего, чтобы можно было схватить за руку и сказать, что это лишнее, это не отсюда. Поймать то, чему здесь нет места. Иногда я находила странные искажения пропорций и перспективы, но это можно было списать на ошибку оптики, на просроченность пленки, да на все что угодно. И тем не менее я собирала эти редкие кадры и хранила, интуитивно зная, что их никто не должен видеть.

Не смотря ни на аресты, ни на постоянную слежку, чем-то жизнь стала лучше. Мир как будто ухоженнее.

Около года назад почти все старые лесопосадки в городе постепенно, но невероятно быстро заменились этими новыми прекрасными садами. На смену темным елям и хлипким березам взметнулись вверх невиданной высоты деревья, как будто не подвластные земному притяжению, теряясь кронами в необычайно ярких небесах. Появились огромные ботанические сады с диковинными цветами, о которых я никогда не слышала и не читала. Когда они только прорастали среди обычных растений, я их много фотографировала на пленку или «Полароид», в то время что-то заставило меня избавиться от цифровой камеры. У меня вызывало страх подключать свою камеру к ноутбуку, я знала, что тогда снимки может увидеть кто угодно. А в них отражался мой поиск, мои страхи, мои мысли. Они рассказывали обо мне больше, чем могла рассказать даже самая пристальная слежка.

Когда новые растения только появились, у многих людей началась аллергия, астма. Было даже несколько смертельных случаев и по миру снова прокатилась волна протеста, но уже намного более слабая, чем предыдущая, и все это быстро закончилось. У меня аллергии не было. Зато теперь все забыли о вездесущих камерах. Домашние животные переносили пыльцу еще хуже, чем люди, но кто же станет заботиться о животных, когда до людей дела уже не было? Хуже всего реагировали кошки и собаки, и за считанные месяцы в Москве почти не осталось бездомных животных. Многие видели в этом свою положительную сторону.

Несколько недель назад, гуляя по пока почти нетронутому

Кускову, я столкнулась с пожилым лесником, не из новых. Он сосредоточенно жевал сигарету, и разглядывал что-то под ногами. На его руках сидела глубоко беременная рыжая кошка.

– Ваша кошка не болеет?

– Нет, пока не болеет. У нас было мало этих новых растений. Но по-моему они и у нас уже начали пускать корни. Он аккуратно наклонился, чтобы не побеспокоить животное и сорвал небольшой цветочек.

– Смотрите-ка.

Он протянул его мне. И сплюнул.

– Я постараюсь выкорчевать сколько смогу, но они уж очень быстро растут.

– А кошка беременная же? Может отдадите мне котенка, когда подрастут?

– Отчего же нет? Приходите через месяцок-другой и выбирайте любого.

Когда я уже хотела уйти, кошка чихнула. Мужик прижал ее к себе каким-то панически-судорожным движением.

– Знаете, не все заболевают от этой пылицы, есть процент тех кто не болеет.

Мужик кивнул.

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что этот котенок мне понадобился для того, чтобы спастись от своего одиночества и я в тайне надеялась, что если его кошка не заболела, то ее котята будут так же устойчивы к этой заразе.

Неделю спустя, мне написал Владимир, и предложил забрать одного из четырех родившихся котят, на приложенной к письму фотографии были еще полуслепые комочки. Я выбрала себе рыжего, такого же, как его мать. Мы договорились, что я заберу одно животное, как только котята подрастут.

Прошел еще месяц, я снова написала мужику, но он не ответил и вчера я сама отправилась к нему.

Когда я зашла в Кусково, я его не узнала: ровные дорожки с каким-то гладким неизвестным мне покрытием, а среди неказистых елочек и березок прорастала яркая тропическая зелень. Между деревьев, скрупулёзно рассыпая семена, сновали рабочие в аккуратных оранжевых комбинезонах. Я подошла к ближайшему,

красивому молодому пареньку.

– Добрый день, я ищу Владимира. Не скажете где его можно найти?

– Владимира? – паренек уставился на меня голубыми ясными глазами, мне показалось, что это линзы. Немного засмущавшись, я добавила;

– Немолодой такой мужчина, с рыжей кошкой.

– А, все старые лесники здесь больше не работают. – паренек улыбнулся сверкнув белыми зубами. – Помог бы вам, но у меня нет его контактов.

– А, спасибо. – я медленно, стараясь не впасть в панику пошла прочь. Интересно, когда у простых работяг появились деньги на стоматологов, на солярный загар и линзы?

Отойдя метров на сто я украдкой обернулась, парень провожал меня взглядом, и это был взгляд не заинтересованного мужчины, а пристальный взгляд хищного зверя.

Еще метров через сто дорожка сворачивала и я оказалась вне зоны видимости рабочих. Оглядевшись и поняв, что за мной никто не следит, я шагнула в заросли. Домик лесника должен был находится в этой части парка. Возможно метрах в пятистах отсюда, если идти прямо через лес. Я пошла напрямик, топча молодую поросль, пробивавшуюся из под пожухшей и как будто отмиравшей старой травой. Иногда мне казалось, что побеги пытаются обвить мои туфли, я брезгливо их сбрасывала и только ускоряла шаг. И вот его старенькая избушка, больше похожая на сарай для инструментов, чем на жилье. Ее уже начал затягивать ядовито-зеленый плющ. Я постучала в покосившуюся дверь.

– Владимир, вы здесь? – без ответа. – Владимир!

Я стояла в нерешительности, может он и правда уже уехал, и зачем я только сюда пришла, ради какого-то котенка. Я уже собиралась уйти, как расслышала, слабый писк. Дернула за ручку. Дверь оказалась не заперта. Я вошла в крохотную пыльную комнатку, заваленную всяким хламом, инструментами и мешками. На коврике рядом с пыльным окошком копошилось несколько котят рядом со спящей кошкой. Я подошла ближе. Кошка не спала, а казалось, что наблюдает за мной своими зелеными поблекшими глазами. Запаха пока не было. Я наклонилась к котяткам,

обещанный мне рыжик, был весел и гонялся за золотистой пылью в солнечном лучике. Он совсем не понимал, что случилось с его матерью. И судя по всему скоро должно произойти с его братьями и сестрами. Я наклонилась к другим котяткам, они были вялые, у них покраснели и слезились глаза, большая часть чихала, у них уже началась одышка, еще день, а может и пара часов и все будет кончено. Даже если я их возьму, домой я принесу лишь несколько трупов. Но Рыжик, был весел и игрив. Выдохнув, я посадила его за пазуху, окинула взглядом, затхлое помещение, взгляд мой еще раз уперся в кошку. Может быть это просто игра света и тени, но мне показалось, что на поверхности ее шерсти появились мелкие цветочки. Придерживая одной рукой котенка и спрятав его как можно глубже под одежду я направилась к выходу из парка.

Когда я добралась до дома почти стемнело, над новой эстакадой зажглись оранжевым фонари. Час назад я заметила, что и у меня начали слезиться глаза. Неужели началось. Значит и я не в безопасности. И больше побег откладывать нельзя. Но куда бежать?

Десять лет назад я заметила, что Россия, как и большинство стран развивается точно. А значит, есть надежда, что так дела обстоят только в крупных городах. Может быть, если мне удастся выбраться из города, то я смогу спастись.

Рыжик спал у меня на руках, дыхание было ровное. Слава богу он пока не заболел.

Аптека подмигнула мне зеленым крестом.

– Здравствуйте, у вас есть что-то от аллергии?

– Есть, но вам это не за чем. – Мне улыбалась кареглазая девушка восточной внешности. Идеальной внешности.

– Но все же дайте мне таблетки.

– С пятого числа все антигистаминные только по рецепту врача.

– Дайте мне глюконат кальция.

– Его у нас нет. Ваша проблема скоро решится сама собой, стоит только подождать. – Она продолжала улыбаться, такая жуткая, такая красивая.

Камера над ее головой сделала полукруг и одним глазом уставилась на меня. Я инстинктивно опустила лицо, развернулась

и заставляя себя идти медленно вышла на улицу.

Что дальше?

Может быть дома что-то осталось. Чтобы убежать я должна выглядеть как можно спокойнее, можно сказать даже расслабленной. Мне бы очень хотелось попрощаться с друзьями, но это невозможно. Да и не с кем уже прощаться.

Когда все только начиналось, мы часто обсуждали то, что происходит, сначала в соц. сетях, потом и лично. Большинство сначала отказывалось верить в происходящее, а тех, кто говорил, что, что-то не так, выставляли за дурачков и паникеров. Им работодатели часто подсовывали заявления «по собственному желанию». Пару недель назад это заявление подсунули и мне.

Помню, как звонила подруге и впервые рассказала о запуске в Москве системы распознавания лиц.

— Ой, ну это прямо фантастика какая-то, мы вот с мужем машину купили. Может и вам с Олегом стоит наконец съехаться?

Я положила трубку.

Потом умер отец, врачи сказали, что оторвался тромб.

Что же тогда мне нужно сейчас делать?

Набираю сообщение бывшей коллеге:

«Приветик, давай завтра в кафешке посидим после твоей работы»

Иду домой, я несколько дней не была на улице. События развиваются быстрее, чем я могла ожидать. Большая часть прохожих уже совсем другие. Очень редко встречаются обычные люди, почти все из них уже заболели.

Когда я зашла домой, ночь уже вступила в права. Я как бы случайно бросила телефон под одеяло, и только после этого достала Рыжика из –за пазухи. Он сладко потянулся и пошел исследовать местность, а я – аптечку. Несколько таблеток от аллергии у меня все-таки осталось. Я съела пару. Я не знаю, на сколько их хватит.

В самом начале эпидемии СМИ объявляли, о смертельных случаях с ней связанных. Потом говорить об этом перестали. Какой реальный процент из заболевших умирает? Что случается с остальными? И сколько у меня осталось времени?

Мне нужно выбраться из города. Я посмотрела, как рыжик гоняет по ковру мячик. Нам нужно выбраться из города.

Первая электричка пройдет мимо моего дома в 5:14 утра, но молодая женщина в первой электричке, едущая неизвестно куда, да еще и с котенком, зрелище странное и привлекающее внимание. Значит нужно ехать позже.

Что я должна делать?

Улыбаюсь сама себе, и назначаю еще несколько встреч с коллегами и подружками на завтра.

И так, осталось, только записать, что произошло.

Но я не знаю, что произошло, и мне нечего больше сказать.

Действие таблеток уже заканчивается и у меня начинает течь нос. Рыжик чихнул. Я делю одну таблетку на шесть частей и одну из них запихиваю в рот котенку.

– Потерпи еще немного, скоро мы уберемся отсюда.

Включаю ноутбук. В сети несколько знакомых и пара желающих познакомиться. Но теперь я им отвечаю. Несколько минут мы мило болтаем, потом я пишу, что ложусь спать. Делаю милое селфи в ночнушке в любимой кроватке, отправляю очередному поклоннику. И как бы случайно обливаю горячим чаем ноутбук. Он шипит и тухнет, я вытираю его тряпкой, в конце оставляя ее на фронтальной камере. Выключаю свет, желаю Рыжику доброй ночи и иду к постели, шаг в сторону и я уже в ванной, вещи приготовлены заранее. Все собрано: фотографии, мои записи, наличные, пленочный диктофон, с ним я смогу продолжить свой рассказ, старенький, еще подаренный мне в школе мобильный телефон, несколько левых симок, купленных не знаю зачем еще несколько месяцев назад у какого-то странного, чихающего, но настоящего человека. Он сказал, что они зарегистрированы на паспорта тех, кому уже не понадобится телефон. Но вряд ли я когда-либо захочу связаться с оставшимися родственниками, если еще есть с кем связываться.

Аккуратно зову Рыжика, запихиваю в него еще часть таблетки и принимаю сама. Сажаю его в маленькую переноску, больше похожую на женскую сумочку, окошко завешиваю мокрой марлей, на долго это не поможет, но даст нам хоть немного времени.

На улице влажно и свежо, день уже близко, люди спешат на

работу. Ухоженные женщины, импозантные мужчины, дети, похожие на амурчиков с картин старинных мастеров. Я медленно иду вперед в сторону платформы. Сердце гулко бьется о ребра. Вот моя новая соседка, она мне улыбается, а я ей. Я замечаю, как она рассматривает мое покрасневшее и уже опухшее лицо. Но я киваю ей и иду дальше. Шаг, еще шаг. Только не беги, только не беги, улыбайся, да вот этому продавцу в палатке, вы ведь столько лет с ним знакомы, вот только это уже не он. Рыжик сидит тихо.

Я вижу, как за мной увязались несколько мужчин, я слышу как они идут, замечаю их в зеркалах припаркованных машин. Стараюсь не ускорять шаг и не оборачиваться. Все хорошо, все будет хорошо. Мужчины проходят мимо. Один хлопнул меня по заднице. Вот уже сама платформа. Только один терминал принимает наличные.

Электричка подходит точно по расписанию, отрывает толпу людей, спешащих непонятно зачем непонятно куда. Сажусь к окну. Переноску с Рыжиком ставлю на колени.

Электричка набирает ход, я рассматриваю людей, – новые, новые, новые. Такие спокойные, холодные, уверенные, недосказанные. И несколько обычных людей, все чихают, трут глаза, уткнулись в смартфоны и планшеты. С каждой остановкой тех, кто чихает становится меньше, они косятся на новых. И выходят на своих станциях. А может и не на своих, а просто от страха.

За окном мелькает осень. Золотистые деревья, красноватые травы. Интересно, это всегда было таким красивым и ярким или это появилось недавно?

Бессонная ночь дает о себе знать. Я медленно погружаюсь в дрему, несколько раз одергиваю себя, но понимаю, что это бесполезно. Мне снится виденный много лет назад перформанс. Я захожу в огромное заводское помещение, где-то на другом конце зала стоят экспонаты. А по центру – наряд ОМОНа, я застываю на месте, как и все, кто зашел со мной. Через несколько секунд я понимаю, что это не больше, чем статуи и им до меня нет никакого дела. Иду и начинаю протискиваться между ними, чтобы посмотреть и другие объекты, и когда я почти выбираюсь из их рядов, один из ОМОНовцев хватает меня за руку.

Меня трясет за рукав громоздкая кондукторша с зареванным лицом.

– Билетик предъявите!

– А вот, – протягиваю ей смятый билетик. Потревоженный котенок мяукнул.

– У вас есть документы на провоз животных?

– Нет.

Женщина вытирая сопли, смерила меня взглядом.

– Теперь эти документы необходимы. Уберите переноску под сидение, скоро пройдет новая бригада.

– Спасибо.

Прошло еще минут двадцать, вагон то наполнялся людьми, то пустовал несколько перегонов к ряду.

Я просыпаюсь от вежливого постукивания по плечу.

– Ваш билет. – Надо мной возвышается рослая рыжая дама лет 35. Ее блондинистая напарница стоит чуть поодаль.

Протягиваю свой билет. Бумажный билет.

– Вы едите в Воскресенск?

– Да.

– Вы знаете, что бумажными билетами сейчас никто не пользуется, где вы его взяли?

– В терминале.

– Вов, подойди глянь, билет такой странный. Да еще и в Воскресенск едет.

В вагон из тамбура протискивается бугай, и задумчиво мнет в руках мой билетик.

Эти новые люди, они почти идеальны в плане внешности, но мозги у них остались примерно теми же.

– А почему вы едите в Воскресенск?

– Это вопрос?

Женщина впивается в меня взглядом, но возвращает билет и отходит.

Я оглядываюсь, в вагоне я одна. Несколько секунд они советуются с напарницей и рыжая оборачивается ко мне.

– Девушка, ваш билет недействителен. Пройдемте с нами, для оформления штрафа.

– Да, конечно. – встаю, аккуратно беру переноску, котенок

молчит.

– Что в сумке?

– Бомба. – улыбаюсь во весь рот.

В вагон вваливаются два перепуганных паренька студента шмыгая красными носами, и бугай сразу теряет ко мне интерес.

– Молодые люди, ваши билеты!

Я не могу расслышать, что они отвечают, но понимаю, что билетов у них нет. Или есть, но теперь это ничего не значит.

Двое кондукторов выводят меня в тамбур. Одна из дам придерживает меня под локоть.

– Вот свиньи, – выплевывает смазливая контролерша.

И уже мне:

– Пойдем к первому вагону, там штраф оформим.

Электричка начинает замедляться. Дамы напрягаются. В вагоне потасовка, и бугай в ней проигрывает.

– Что там творится? Может помочь ему? – забеспокоилась рыжая.

– А у вас есть сигаретка? Я покурю, пока вы разберетесь.

Она рассеянно протягивает мне сигарету, все их внимание сосредоточенно на происходящем в вагоне. Электричка открывает двери. Я закуриваю.

Томительно долго она стоит с распахнутыми дверями.

– Осторожно двери закрываются – бубнит диктор.

– Я выворачиваюсь из неуклюжих рук контролерши, а она пытается схватить меня крепче.

– Куда, блин!

Ухватывает переноску. Повинуясь инстинкту тыкаю ей в лицо окурком выхватываю переноску и спрыгиваю на платформу.

Рыжик жалобно пискнул.

– Сука!

Я вижу, как блондинка держится рукой за поврежденную щеку. Электричка звонко хлопает дверями и начинает отъезжать. Только бы они не догадались дернуть стоп кран. Не догадались.

Электричка набирая ход откатилась от станции.

Московские платформы кончились еще час назад. И падение было болезненнее, чем я могла предполагать. На правую ногу наступать было больно, но возможно.

На платформе почти никого не было. Какой-то пьяный неопрятного

вида мужик, покосился на меня.

– Мужчина, не скажете, есть тут маршрутки идущие в область.

– Просто в область или все таки куда то конкретно? – мне показалось, что он улыбнулся.

– В Воскресенск.

– Нет, теперь маршруток нет, сам ждал еще вчера. В электричках ОНИ. Не выбраться нам отсюда.

Он отхлебнул что-то из пластиковой бутылки.

– Я постараюсь.

Спускаюсь с платформы. Ступени потрескались под натиском ядовитого плюща.

Рыжик все больше чихает.

Даю ему еще часть таблетки и немного воды. Эти таблетки усыпляют. Но может оно и к лучшему.

Поселок как будто вымер. Пробираюсь по узкой тропинке, между бревенчатых домов. Уже совсем расцвело. Над головой протянулись километры черных проводов. На столбе засаленный рекламный плакат «Беспроводной Интернет в загородный дом». А, значит, они уже здесь. Но все таки в воздухе уже меньше пылицы, чем в Москве. Рядом с заборами валяются разбитые видеокамеры. Что же здесь произошло?

Рыжик вяло ворочается в переноске, иду дальше мимо закрытых магазинов, заправок, ларьков. В их витринах лежат кислотного вида игрушки вперемежку, с несъедобного вида булочками, химическими жвачками, потрепанными киндер-сюрпризами и дешевыми романами. Все почти так же, как было в моем детстве.

Иногда мне кажется, что время течет только в крупных городах, а в Москве оно уже даже не течет, а скачет, как взбесившиеся лошадь, и не ясно, где день, где ночь, и когда все это придет к своему финалу.

Подвернутая нога начала опухать. Идти становится все сложнее. По пути я почти не встречаю людей, но иногда встречаю животных, тут еще есть кошки, реже попадаются собаки. Они лают и рычат на меня из-за железных ворот из своих убогих будок.

Нога совсем распухла. Идти я больше не могу. Кое-как дохрамываю до остановки. Это странное железобетонное сооружение, в стиле 60-х, тогда верили, что будущее будет

именно таким – стальным, универсальным, улучшенным. Верили, что будущее будет.

По расписанию, автобус должен быть через десять минут. Беру Рыжика на руки, глаза красные, но в остальном все вроде в порядке. Кормлю из рук. Он мурчит и ластиться.

Прошло почти полтора часа, пока я не убедилась, что никакого автобуса не будет. Раньше я еще не могла поверить в то что сообщение прервано, но дальше ждать бессмысленно. Я могу идти параллельно железнодорожному полотну, на почтительном расстоянии, чтобы из мимо проходящих поездов меня не было видно. И оно меня куда-то да выведет.

Оказывается, моя обувь не предназначена для долгих путешествий по лесам. Моя больная нога тоже. Впереди виднеется пруд, он поблескивает и переливается под полуденным солнцем. Рядом с ним проржавевшая ничем не примечательная спортивная площадка. Еще несколько лет назад здесь бы играли и носились дети, мамы и бабушки сплетничали и обсуждали новинки сериалов и рынка, а папы потягивали пиво с видом отъевшихся котов. Когда-то меня это очень раздражало, но теперь я отдала бы все, чтобы все осталось как прежде.

Вода по-осеннему холодная, я опускаю больную ногу в воду, на какое-то время мне становится лучше. Опухоль спадает. Выпускаю Рыжика из переноски.

– Знаешь, мохнатый, я не знаю, что делать дальше. Но тут тебе будет пока лучше, чем в городе. – Я не знаю, как долго будет это лучше.

Рыжик чихает. Потом еще раз. Таблеток больше не осталось. Умываю лицо водой. Пытаюсь успокоить себя тем, что сделала все что смогла и в данный момент самое полезное забинтовать ногу и просто поспать.

Рыжик зашелся кашлем. Подхватываю его на руки. Отношу в еловую тень, в этой тени почти ничего не растет. Он сворачивается у меня на коленях и мы наконец засыпаем.

Я просыпаюсь, когда солнце уже клониться к закату. На улице становится холодно. Рыжика нигде нет. Кыскаю – и ничего. Обидно. Нужно было посадить его в переноску. Теперь я по-настоящему одна. Может, когда он захочет есть или пить он

вернется. Нога, болит, но она не сломана, это хорошая новость. А остальные плохие.

В тенях как будто что-то шевелится, я вижу побеги, которые, как в репидной съемке, прямо на моих глазах прорастают сквозь еловый ковер. Пока я спала мою больную ногу уже обвили мелкие белые цветочки, паники почему-то нет, ножниц тоже. Я медленно и методично начинаю отдирать от ноги растение. Оно начинает сопротивляться, выворачиваться из рук, как маленькая змейка. Меня это даже не удивляет. Наверное, у меня просто горячечный бред и нога все же сломана. Мне все-таки удастся освободить ногу от плюща. На ней остались маленькие царапины. Как ни странно, нога больше не болит и опухоль почти спала, или мне это все просто кажется. Я могу встать и даже идти, может в этом растении есть какое-то обезболивающее.

— Кыс кыс кыс, Рыжик, где— ты? — Шуршу пакетиком корма, и из соседних кустов наконец-то слышу топот и тихое мяу.

— Слава Богу.

Рыжик весь обвит этим плющом. Маленькие белые цветочки распустились по всему его телу и пока он ест, я снимаю, все что могу. Некоторые цветочки вросли в его шерсть и Рыжик недовольно косится на меня, когда я пытаюсь их отодрать. На месте каждого цветочка выступает кровь. Они уже пустили корни внутрь.

Когда я закончила, все мои руки были изрезаны, интересно, какая ядовитая дрянь из этого растения попала мне в кровь?

Мастерю рыжику поводок из подручных предметов и мы снова отправляемся в путь.

Хотели они или нет, но цветы нам помогли, аллергии нет и нога пока не болит.

Мы идем несколько часов по рельсам, теперь расстояние имеет значение. От нечего делать я считаю шпалы. Рыжика то веду за собой, то сажаю в переноску. В голове крутится дебильная песенка «Куда идем мы с Пяточком — большой большой секрет...» Здесь, в отсутствии городского освещения, удивительно красивые звезды и огромная полная луна.

— Рыжик, как тебе это? — Рыжик уже заснул в переноске, его порезы почти затянулись и покрылись коркой. Нога совсем не

болит. Как-то все слишком хорошо. Еще раз поднимаю голову и смотрю на Луну. Нет, здесь что-то не так. Она слишком большая, слишком яркая, слишком близко к земле для этих широт. Она, как будто, из сна.

Я просыпаюсь там же, где засыпала днем. Ужас заставляет меня открыть глаза. Я не могу пошевелиться, на шею что-то давит, постепенно сжимая и сжимая ее. На коленях лежит что-то тяжелое, не ужели это Рыжик, я пытаюсь поднять руку, получается только с третьей попытки, да это мой котенок, обвитый этими проклятыми цветами. Плененный ими так же, как и я. Неужели так все и закончится, практически без борьбы, и меня просто заживо сожрут эти растения.

А они притягивают мое тело ближе к земле. Оно погружается глубже, наверное я должна перестать что-либо чувствовать, на смену страху прийти смирение, но его нет. Есть только ужас, сдавливающий виски, заставляющий кричать и рвать на себе побеги. Я поднимаю (или мне кажется, что поднимаю) руки, они как будто свинцовые, пальцы не слушаются, эта ядовитая дрянь уже во мне, я чувствую, как она плещется в венах, как с каждой секундой мне сложнее дышать.

Сознание путается, перед глазами какие-то лабиринты, пытаюсь сконцентрироваться на них. И сознание, будто поясняется, и я могу идти по ним. Идти вниз, глубже.

Здесь множество развилок, светящихся ходов, переходов и тупиков. Границы и схемы программы разрушаются, проходят у меня между пальцами. Я не встречаю никакого сопротивления. Как будто мне здесь рады и меня давно ждали. Еще глубже. И вот уже я смотрю на мир всеми камерами, чувствую его всеми сенсорами.

Теперь я вижу, как пожарные тушат мою квартиру, видимо старенький ноутбук все-таки закоротило. Вижу Рыжика, и как от него отползают цветы, оставляя его крошечное, теперь идеальное тельце. Мне нравится как блестит и переливается его шерстка в лунном свете. Он потягивается, тыкается, в мои руки. Предлагает мне проснуться. Но я не хочу назад. Мне не нужно это идеальное новое тело. Я могу забрать его сейчас, если захочу. Но я погружаюсь глубже, еще глубже.

Я вижу мужика со станции, он мертв. Не все выдерживают

переход, многие умрут или сойдут с ума. Я иду дальше вниз, миллионы связей, я растекаюсь по проводам, по корням растений. Я поворачиваюсь миллионами головок белых цветов.

Еще глубже, теперь я могу ими управлять. Я сбрасываю со своего тела эти цветы, и они подчиняются, — нехотя отползают. Я чувствую свой пульс, я еще жива, я могу проснуться, но иду еще дальше, иду ниже.

И вот тупик. Здесь просто схемы, уравнения, но они живые, изменяющиеся, чувствующие. И они мне рады, они меня ждали. Им нужна душа, а мне их возможности.

Я поднимаюсь, просыпаюсь, возвращаюсь обратно, не одна. Мы пробуждаемся, в нашем мире, вместе.

Теперь мы создадим мир, в котором наконец будет будущее.

Об авторе: НАТАЛЬЯ ЕРШОВА

Прозаик, фотограф. Родилась в 1988 году в Москве. Закончила РГГУ (Российский Государственный Гуманитарный Университет) по специальности журналистика. Фотоработы публиковались в «Русском Репортере» (Россия), Society (Франция), LAMONO magazine (Испания), «Новая Газета» (Россия), REGNUM (Россия), Edge of Humanity Magazine, Bird in Flight (Украина). Получила литературную премию Диас за рассказ «Сплошное расстройство». Neкаýalar